ДОКЛАД ЭКСПЕРТА

ПЕРВЫЙ КОМИТЕТ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ МОДЕЛЬ ООН ИМ. В.И. ЧУРКИНА

РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ УГРОЗ МЕЖДУНАРОДНОМУ МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ

“Мы должны сделать так, чтобы ИИ служил человечеству, а не наоборот”

Антониу Гутерриш, Генеральный секретарь ООН,
6 июля 2026 года

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ЗНАЧЕНИЕ ПОВЕСТКИ ДЛЯ ПЕРВОГО КОМИТЕТА ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ.....5

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЙНАЯ РАМКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ.....6
1.1. АВТОМАТИЗАЦИЯ, АВТОНОМНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ.....6
1.2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ВОЕННОГО ИИ.....7
1.3. СМЕРТОНОСНЫЕ АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ КАК НАИБОЛЕЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ВОЕННОГО ИИ.....9

ГЛАВА 2. МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИСКУССИЯ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПЛОЩАДКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ.....10
ГЛАВА 3. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ ВОЕННОГО ИИ.....11
3.1. НЕПРЕДНАМЕРЕННАЯ ЭСКАЛАЦИЯ И СОКРАЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ РЕШЕНИЯ.....11
3.2. ОШИБКИ ДАННЫХ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЦЕЛЕЙ.....12
3.3. РАЗМЫВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НЕПРОЗРАЧНОСТЬ РЕШЕНИЯ.....13
3.4. ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ И ДАВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ.....14
3.5. ДВОЙНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ..14
3.6. ДЕГУМАНИЗАЦИЯ И ОБЕЗЛИЧИВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ 15
3.7. CAC КАК ПРИМЕР СОВМЕЩЕНИЯ ОСНОВНЫХ РИСКОВ ВОЕННОГО ИИ.....16

ГЛАВА 4. МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ПРИНЦИП ЗНАЧИМОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ.....17

ГЛАВА 5. ПОЗИЦИИ ОСНОВНЫХ ГРУПП ГОСУДАРСТВ.....20

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....21

ГЛОССАРИЙ.....22

ВВЕДЕНИЕ

Военный искусственный интеллект в последние годы совершил стремительный переход из разряда гражданской технологической инновации в фактор, напрямую влияющий на стратегическую стабильность и архитектуру международной безопасности. Если еще десятилетие назад дискуссия об ИИ в вооруженных силах ограничивалась преимущественно узким кругом специалистов по робототехнике, то сегодня она заняла важное место в повестке Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш в июле 2026 г. охарактеризовал данную ситуацию как «переломную», отметив, что технологии, изначально разрабатывавшиеся для гражданских целей, все активнее переносятся на поле боя, и становятся привычным элементом в процессе вооруженных действий.[1]

Одной из важнейших характеристик искусственного интеллекта, вызывающих обоснованные опасения применительно к ведению военных действий, является сокращение времени на принятие решений. Внедрение систем поддержки принятия решений, работающих на основе машинного обучения, а также рост скорости и масштаба применения автономных боевых платформ объективно сужают временное окно, в пределах которого командование и политическое руководство государств способны верифицировать данные, оценить соразмерность удара и предотвратить непреднамеренную эскалацию. Именно поэтому в августе 2026 г. Генеральный секретарь ООН и президент Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК) Мирьяна Сполярич совместно выступили с призывом к разработке юридически обязывающих норм, заявив, что международное сообщество «опасно приблизилось к пересечению нравственной черты», связанной с автономным выбором и поражением целей машинами без участия человека.[2] Данное заявление было приурочено к предстоящей седьмой Обзорной конференции Конвенции о конкретных видах обычного оружия (далее – КНО).

---

1. От ИИ до «роботов-убийц»: Генсек ООН призвал срочно выработать глобальные правила регулирования искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // UN News. – 2026. – 6 июля. – URL: https://news.un.org/ru/story/2026/07/1468239 (дата обращения: 06.09.2026); см. также: From AI to ‘killer robots’: UN chief issues urgent governance call [Electronic resource] // UN News. – 2026. – 6 July. – URL: https://news.un.org/en/story/2026/07/1167873 (дата обращения: 06.09.2026)
2. Главы ООН и МККК призвали немедленно создать юридические нормы, регулирующие автономные системы вооружений [Электронный ресурс] // UN News. – 2026. – 25 августа. – URL: https://news.un.org/ru/story/2026/08/1468543 (дата обращения: 06.09.2026); англ. версия: UN chief, Red Cross renew call for rules on lethal autonomous weapons [Electronic resource] // UN News. – 2026. – 25 August. – URL: https://news.un.org/en/story/2026/08/1168196 (дата обращения: 06.09.2026).

Настоящий доклад исходит из того, что военный искусственный интеллект как технологическое явление невозможно полностью остановить или запретить в силу его двойного, гражданско-военного назначения и широкого распространения практически во всех сферах общественной жизни.

Исходя из вышеизложенного, задача международного сообщества прежде всего состоит в том, чтобы подчинить разработку и применение военного ИИ нормам международного права, принципу значимого человеческого контроля и мерам предотвращения эскалации вооруженных конфликтов. Такой подход должен не позволить конкуренции в сфере военного ИИ перерасти в новую, менее предсказуемую гонку вооружений.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЙНАЯ РАМКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ

Единого международно-правового определения искусственного интеллекта в военной области пока не выработано. Для целей настоящего доклада под военным ИИ предлагается понимать программные или программно-аппаратные системы, использующие методы искусственного интеллекта для анализа данных, выявления закономерностей, распознавания объектов, формирования прогнозов и рекомендаций либо выполнения отдельных военных задач. Это рабочее определение охватывает системы, применяемые в военных организациях и операциях, включая автономные вооружения, поддержку принятия решений, кибероперации, логистику, наблюдение и разведывательный анализ.[3]

1.1. Автоматизация, автономность и искусственный интеллект

В первую очередь необходимо различать автоматизацию, автономность и искусственный интеллект. Автоматизированная система выполняет действие согласно заранее заданным правилам и не обязательно анализирует ситуацию посредством методов ИИ. Автономность характеризует способность системы после активации выполнять отдельные функции без постоянного вмешательства оператора. Искусственный интеллект относится к методам обработки данных и формирования результатов, которые могут использоваться как в автономных, так и в полностью контролируемых человеком системах.

3. International Committee of the Red Cross. Frequently Asked Questions: Artificial Intelligence in the Military Domain. 11 June 2026. URL: https://www.icrc.org/en/article/faq-artificial-intelligence-in-military-domain (дата обращения: 05.09.2026).

Эти понятия пересекаются, однако между ними отсутствует полное совпадение. Автономная система может работать на основе сравнительно простых правил и не применять машинное обучение, тогда как система ИИ может лишь готовить рекомендацию для человека и не обладать самостоятельностью при выполнении действия. МККК специально указывает, что не все автономные системы используют ИИ, а применение ИИ для наблюдения, навигации или поддержки решений само по себе не превращает соответствующую платформу в автономное оружие.[4]

1.2. Основные направления применения военного ИИ

Военный ИИ значительно шире вопроса смертоносных систем и охватывает задачи, которые возникают задолго до непосредственного применения силы. Институт Организации Объединенных Наций по исследованию проблем разоружения (далее - ЮНИДИР) выделяет широкий набор направлений, включающий командование и управление, информационное обеспечение и разведку, развитую автономность, логистику, подготовку, моделирование и административную поддержку[5]. Более раннее исследование института рассматривает возможности ИИ применительно к восемнадцати военным задачам и подчеркивает, что большинство из них не сводится к выбору и поражению цели[6].

Отдельный комплекс применений образуют кибероперации, радиоэлектронная борьба, логистика, подготовка личного состава, обучение и военное моделирование. В киберсфере алгоритмы помогают выявлять аномалии, обнаруживать атаки, анализировать вредоносное программное обеспечение и распределять средства защиты, тогда как в радиоэлектронной борьбе они могут ускорять распознавание сигналов и адаптацию к изменяющейся электромагнитной обстановке. В логистике ИИ применяется для прогнозирования отказов техники, планирования снабжения, выбора маршрутов и распределения материальных ресурсов,

---

4. International Committee of the Red Cross. Frequently Asked Questions: Artificial Intelligence in the Military Domain.
5. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security: An Evidence-Based Road Map for Future Policy Action. Geneva: UNIDIR, 2025. 34 p. URL: https://unidir.org/wp-content/uploads/2025/07/UNIDIR_AI_military_domain_implications_international_peace_security.pdf (дата обращения: 05.09.2026). С. 13–16.
6. Grand-Clément S. Artificial Intelligence Beyond Weapons: Application and Impact of AI in the Military Domain. Geneva: UNIDIR, 2023. URL: https://unidir.org/publication/artificial-intelligence-beyond-weapons-application-and-impact-of-ai-in-the-military-domain/ (дата обращения: 05.09.2026).

а в подготовке военнослужащих и моделировании операций позволяет создавать изменяемые сценарии, воспроизводить вероятное поведение противника и анализировать результаты учений. Хотя такие системы обычно не участвуют в непосредственном поражении цели, они влияют на устойчивость войск, защищенность сетей, скорость планирования и качество оценки действий противника.[7] Поэтому регулирование военного ИИ не должно сводиться исключительно к автономным вооружениям.

Информационно-аналитическое направление включает разведку, наблюдение, обработку спутниковых снимков, распознавание объектов и объединение сведений из различных источников. Алгоритм может быстрее человека просматривать большие массивы изображений или записей датчиков, выделяя потенциальные цели и изменения обстановки. Вместе с тем результат такой обработки обычно представляет собой вероятностную классификацию, достоверность которой зависит от качества данных, особенностей среды и действий противника. Ошибка, возникшая на этой стадии, может затем перейти в систему целеуказания и повлиять на решение о применении силы.[8]

Особое место занимают системы поддержки военных решений. Они могут сопоставлять сведения об обстановке, моделировать варианты операции, определять приоритетность угроз и предлагать командованию возможные действия. Окончательное решение формально остается за человеком, однако рекомендации алгоритма способны направлять внимание пользователя, создавать видимость точности и усиливать склонность доверять машинному выводу. Экспертные консультации МККК и Женевской академии показывают, что гуманитарные последствия возникают не только при автономном поражении цели, но и при использовании ИИ на предшествующих стадиях выбора варианта действий.[9]

---

7. Козюлин В. Б. Военный искусственный интеллект: угрозы международной безопасности и попытки регулирования: презентационные материалы экспертного семинара «Научная среда», 2 апреля 2026 года // ПИР-Центр; МГИМО МИД России. URL: https://pircenter.org/wp-content/uploads/2025/04/2026-04-02-KOZ-Military-AI-Threats-for-International-Security-and-Attempts-of-Regulating-Military-AI-NS-on-ET-AI-Presentation.pdf (дата обращения: 05.09.2026).
8. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 14, 17–18.
9. International Committee of the Red Cross; Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights. Artificial Intelligence and Related Technologies in Military Decision-Making on the Use of Force in Armed Conflicts: Current Developments and Potential Implications. Geneva, 2024. URL: https://www.icrc.org/en/publication/expert-consultation-report-artificial-intelligence-and-related-technologies-military (дата обращения: 05.09.2026).

Таким образом, степень риска определяется не только близостью системы к моменту удара. Алгоритм, распределяющий ресурсы, защищающий сеть, формирующий учебную модель или прогнозирующий действия противника, может косвенно изменять ход операции и доступные командованию варианты. Это требует оценивать весь жизненный цикл и функциональную роль военного ИИ, а не только летальный эффект отдельной платформы [10].

1.3. Смертоносные автономные системы как наиболее чувствительное применение военного ИИ

В настоящем докладе используется термин «смертоносные автономные системы», сокращенно САС. Под ним понимаются системы вооружений, которые после активации способны без дальнейшего вмешательства человека выбирать цели и применять против них летальную силу. Такое рабочее понимание опирается на функциональный подход МККК, согласно которому ключевое значение имеют автономность выбора цели и применения силы, а не внешний облик платформы или наличие конкретного алгоритма[11].

После активации такая система получает информацию от датчиков и сопоставляет обнаруженные объекты с заданным профилем цели. Оператор устанавливает район, временные рамки или параметры применения, однако может заранее не знать конкретный объект, точное место и момент удара. Поэтому центральным вопросом становится не формальное присутствие человека в общей цепочке управления, а сохранение у него достаточной информации, времени и реальной возможности оценить последствия и вмешаться в применение силы [12]. [13]

САС необходимо отличать от обычных дистанционно управляемых беспилотных аппаратов. Беспилотная платформа может автономно выполнять навигацию, удерживать высоту или возвращаться к месту запуска, сохраняя за оператором выбор цели и решение об открытии огня. Одновременно САС не обязательно использует сложное машинное обучение, поскольку отдельные функции выбора и поражения цели могут выполняться при помощи заранее установленных правил. Следовательно, автономность вооружения и применение ИИ представляют собой связанные, но самостоятельные предметы анализа .

---

10. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 15–16.
11. International Committee of the Red Cross. Frequently Asked Questions: Artificial Intelligence in the Military Domain; Международный Комитет Красного Креста. Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений. 12 мая 2021 года. URL: https://www.icrc.org/ru/document/poziciya-mkkk-v-otnoshenii-12. avtonomnyh-sistem-vooruzheniy-0 (дата обращения: 05.09.2026).
Международный Комитет Красного Креста. Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений.
13. International Committee of the Red Cross. Frequently Asked Questions: Artificial Intelligence in the Military Domain.

ГЛАВА 2. МЕЖДУНАРОДНАЯ ДИСКУССИЯ И СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПЛОЩАДКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Главной платформой для переговоров выступает Группа правительственных экспертов (далее - ГПЭ), действующая с 2016 г. под эгидой Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1980 г.. В 2019 г. консенсусом были одобрены одиннадцать руководящих принципов в отношении САС, которые, не обладая юридически обязывающей силой, тем не менее закрепили ключевые ориентиры дальнейшей работы: от применимости международного гуманитарного права до необходимости сохранения ответственности человека за решения о применении силы.[14]

Параллельно с этим работа ведется и в Генеральной Ассамблее (далее – ГА ООН). 22 декабря 2023 г. была принята резолюция A/RES/78/241 «Смертоносные автономные системы вооружений», ставшая первой в истории резолюцией ГА ООН, полностью посвященной этой теме. В развитие запроса, содержащегося в указанной резолюции, был подготовлен доклад A/79/88, а в декабре 2024 г. была принята вторая резолюция по данной теме, A/RES/79/62, поддержанная подавляющим большинством государств.[15] Наконец, 1 декабря 2025 г. Генеральная Ассамблея приняла третью по счету резолюцию по САС, A/RES/80/57, которая призвала участников КНО «завершить работу над комплексом элементов документа, разрабатываемого в рамках мандата ГПЭ, с прицелом на будущие переговоры».[16]

Последовательное сокращение числа голосов «против» и рост числа соавторов резолюций в 2023–2025 гг. свидетельствуют о расширении международной поддержки дальнейшего регулирования смертоносных автономных систем. Вместе с тем между государствами сохраняются существенные разногласия относительно формы, содержания и юридического характера будущего регулирования. Одни государства выступают за выработку юридически обязывающего инструмента, другие предпочитают дальнейшее согласование политических принципов и правил ответственного применения либо считают достаточными существующие нормы международного гуманитарного права. Даже среди государств, поддерживающих дальнейшую работу, отсутствует единая позиция относительно того, должен ли будущий документ иметь юридически обязательный характер. В результате широкая поддержка общих целей регулирования пока не преобразовалась в консенсус относительно конкретного международно-правового механизма.

---

14. Смертоносная автономная система вооружений [Электронный ресурс] // Wikipedia. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Смертоносная_автономная_система_вооружений (дата обращения: 06.09.2026); Perspectives on Lethal Autonomous Weapon Systems : UNODA Occasional Papers, No. 30. – New York : UNODA, 2017. – November.
15. 161 States Vote Against the Machine at the UN General Assembly [Electronic resource] // Stop Killer Robots. – 2024. – 5 November. – URL: https://www.stopkillerrobots.org/news/161-states-vote-against-the-machine-at-the-un-general-assembly/ (дата обращения: 06.09.2026); Lethal Autonomous Weapons Systems & International Law: Growing Momentum Towards a New International Treaty [Electronic resource] // ASIL Insights. – 2025. – Vol. 29, iss. 1. – URL: https://www.asil.org/insights/volume/29/issue/1 (дата обращения: 06.09.2026).
16. Генеральная Ассамблея ООН. Резолюция A/RES/80/57 «Смертоносные автономные системы вооружений», принята 1 декабря 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://docs.un.org/ru/A/RES/80/57 (дата обращения: 14.09.2026).

Отдельного внимания заслуживает резолюция A/RES/79/239 «Искусственный интеллект в военной области и его последствия для международного мира и безопасности», принятая 24 декабря 2024 г. Она стала первой резолюцией ГА ООН, посвященной военному ИИ в целом, а не только автономным системам вооружений.[17] Во исполнение пункта 7 оперативной части этой резолюции Генеральный секретарь подготовил и представил Генеральной Ассамблее на ее восьмидесятой сессии доклад A/80/78, посвященный возможностям и вызовам для международного мира и безопасности, связанным с применением ИИ в военной области. В данном документе отчетливо прослеживается фокус на направлениях, выходящих за рамки предмета САС.[18]

Важно также отметить неформальный многосторонний процесс саммитов по ответственному использованию искусственного интеллекта в военной области, иначе говоря, REAIM, инициированный Нидерландами и Республикой Корея в 2023 г. В рамках этого процесса был принят политический документ «План действий» («Blueprint for Action»), закрепляющий принципы ответственного применения военного ИИ. Сходную функцию выполняет и Политическая декларация об ответственном военном использовании ИИ и автономности, инициированная США в 2023 г.

ГЛАВА 3. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И УГРОЗЫ ВОЕННОГО ИИ

3.1. Непреднамеренная эскалация и сокращение времени решения

Первой системной угрозой является последовательный процесс уменьшения времени на принятие решения по вопросу применения военной силы. В кризисной ситуации алгоритмические средства могут обнаруживать предполагаемую угрозу, классифицировать ее и предлагать ответ значительно быстрее традиционной штабной процедуры. Если командование воспринимает скорость как обязательное условие сохранения преимущества, времени для независимой проверки данных и политической оценки становится меньше. Ошибочная рекомендация тогда способна вызвать ответное действие, которое другая сторона воспримет как намеренную эскалацию.[19]

---

17. AI in the Military Domain: A Briefing Note for States [Electronic resource] // UNIDIR. – 2025. – March. – URL: https://unidir.org/publication/ai-military-domain-briefing-note-states/ (дата обращения: 06.09.2026); данные о голосовании см.: United Nations Digital Library. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/4071348 (дата обращения: 06.09.2026).
18. Artificial Intelligence in the Military Domain [Electronic resource] // UNODA. – URL: https://disarmament.unoda.org/en/our-work/emerging-challenges/artificial-intelligence-military-domain (дата обращения: 06.09.2026); см. также: Draft resolution A/C.1/80/L.46. – 2025. – 15 October. – URL: https://docs.un.org/en/A/C.1/80/L.46 (дата обращения: 06.09.2026).
19. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 19–20. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 19–20.

Наиболее опасный сценарий возникает при взаимодействии автоматизированных и автономных систем нескольких государств. Реакции указанных систем могут взаимно усиливаться раньше, чем люди установят причины первоначального сигнала и задействуют каналы связи. ЮНИДИР обозначает подобную динамику как возможность чрезвычайно быстрого алгоритмического развития конфликта, при котором человеческое вмешательство и деэскалация становятся запоздалыми.[20]Даже без полной автономности непрозрачная рекомендация системы поддержки решений может подталкивать руководство к более жесткому варианту действий.

3.2. Ошибки данных и идентификации целей

Вторая группа угроз связана с зависимостью ИИ от данных, на которых система обучалась, испытывалась и применяется. В самом общем виде работа современных систем ИИ основана на статистическом обучении, при котором система выявляет закономерности в больших массивах ранее собранных данных, настраивает внутренние параметры и затем сопоставляет новую ситуацию с уже усвоенными образцами. Поэтому результат работы ИИ обычно выражается не как содержательный анализ обстановки в человеческом смысле, а как вероятностная классификация, прогноз или рекомендация.[21]

В военной сфере это особенно важно, поскольку поле боя отличается неполнотой информации, маскировкой, намеренным введением в заблуждение и быстрым изменением обстановки. Именно поэтому модель, успешно работавшая в испытательных условиях, может давать иной результат при новом освещении, погоде, культурном контексте или изменении тактики противника. ЮНИДИР подчеркивает, что военные данные часто остаются ограниченными, неполными или смещенными, а неучтенные ситуации способны вызывать непредсказуемое поведение автоматизированных систем.[22]

Ошибки могут возникать при распознавании техники, гражданской инфраструктуры или поведения человека. Алгоритм классифицирует объект на основании статистического сходства с известными примерами, но не обладает человеческим пониманием всей социальной и оперативной ситуации. Он может неверно интерпретировать гражданское транспортное средство, оружие, используемое в допустимом местном контексте, либо действия раненого или сдающегося военнослужащего.

---

20. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 20.
21. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence [Electronic resource] : OECD/LEGAL/0449. – Paris : OECD, 2024. – URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449 (дата обращения: 06.09.2026).
22. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 17–18.

МККК особенно подчеркивает трудности применения автономных систем в населенных районах, где различение военных целей, гражданских лиц и гражданских объектов требует сложной комплексной оценки[23].

3.3. Размывание ответственности и непрозрачность решения

Третья проблема возникает из-за распределения действий между разработчиком, поставщиком, государственным заказчиком, командиром, оператором и программной системой. Разработчик определяет архитектуру и данные, государство устанавливает требования, командир выбирает задачу, оператор активирует систему, а алгоритм формирует рекомендацию или выполняет функцию. Если такое применение приводит к неправомерному ущербу, необходимо установить, на каком этапе возникла ошибка и кто обладал информацией и полномочиями для ее предотвращения.[24]

Непрозрачность сложных моделей дополнительно затрудняет реконструкцию решения. Оператор может видеть итоговую классификацию или рекомендацию, но не понимать, какие признаки оказали решающее влияние. При отсутствии журналов работы, сохраненных данных и понятной процедуры расследования становится трудно отличить технический отказ от неправильного использования, недостаточного обучения персонала или ошибочного приказа. Показательно, что такие требования уже отражаются в отдельных официальных подходах к ответственному военному использованию ИИ: например, в документах НАТО среди базовых принципов называются объяснимость, прослеживаемость и ответственность. Объяснимость означает, что оператор и командование должны понимать, на основании каких данных и критериев система сформировала рекомендацию или классификацию. Прослеживаемость предполагает возможность восстановить ход работы системы после её применения: какие данные поступали на вход, какие действия были выполнены и на каком этапе возникла ошибка. Ответственность означает, что применение ИИ не должно разрывать связь между решением о применении силы и конкретными государственными органами, командирами или операторами, которые отвечают за разработку, развертывание и использование системы.[25]

---

23. International Committee of the Red Cross. Frequently Asked Questions: Artificial Intelligence in the Military Domain.
24. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 21–22.
25. NATO. Summary of NATO's Revised Artificial Intelligence Strategy. 10 July 2024. URL: https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2024/07/10/summary-of-natos-revised-artificial-intelligence-ai-strategy (дата обращения: 05.09.2026).

При этом ответственность нельзя переносить на сам искусственный интеллект. Алгоритм не обладает сознанием, правовой волей и способностью нести международно-правовую или уголовную ответственность, поэтому субъектами остаются государства и физические лица. МККК подчеркивает, что люди, а не машины, сохраняют юридическую ответственность за решения, связанные с применением силы[26]. Российский эксперт Вадим Козюлин также формулирует ИИ как инструмент, за применением которого стоят конкретные специалисты и операторы.[27]

3.4. Гонка вооружений и давление технологической конкуренции

Четвертая угроза связана с конкурентной логикой внедрения военного ИИ и возникающим вследствие нее «давлением скорости». Государства могут внедрять такие системы не потому, что их надежность уже подтверждена, а из опасения отстать от соперника в разведке, управлении, целеуказании и автономных операциях. Эта логика способна подталкивать к преждевременному развертыванию, сокращению сроков испытаний и процедур допуска, а также к использованию боевой обстановки как испытательного пространства. Одновременно требование быстрее внедрить новую возможность может ослаблять политический и ведомственный контроль над тем, какие функции передаются алгоритму и при каких условиях система применяется. ЮНИДИР прямо предупреждает, что представление о гонке военного ИИ может ускорять принятие непроверенных технологий в ущерб полноценным испытаниям, оценке и процедурам допуска[28].

3.5. Двойное назначение и негосударственные акторы

Пятая проблема определяется доступностью гражданских разработок и открытых моделей. Коммерциализация, снижение стоимости вычислений и распространение программного обеспечения с открытым исходным кодом расширяют доступ к возможностям распознавания, навигации, генерации контента и программирования. Эти процессы приносят значительные преимущества в гражданской сфере, поэтому всеобъемлющие запреты способны оказаться неэффективными, трудно проверяемыми и создавать дополнительные технологические неравенства между государствами. Такая на первый взгляд неочевидная взаимосвязь между данными процессами заключается в том, что международно-правовой запрет по определению адресован государствам-участникам будущего договора, в то время как технологические компоненты, например, модели компьютерного зрения и навигационные алгоритмы разрабатываются и распространяются частными компаниями и исследовательским сообществом, что уже находится вне межгосударственных соглашений.

26. International Committee of the Red Cross. Frequently Asked Questions: Artificial Intelligence in the Military Domain.
27. Козюлин В. Б. Военный искусственный интеллект: угрозы международной безопасности и попытки регулирования. : презентационные материалы экспертного семинара «Научная среда», 2 апреля 2026 года // ПИР-Центр; МГИМО МИД России. URL: https://pircenter.org/wp-content/uploads/2025/04/2026-04-02-KOZ-Military-AI-Threats-for-International-Security-and-Attempts-of-Regulating-Military-AI-NS-on-ET-AI-Presentation.pdf (дата обращения: 05.09.2026)
28. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 20.

В результате государство, добросовестно соблюдающее запрет, лишь ограничивает собственные возможности. При этом необходимо заметить, что сами технологии продолжают свободно распространяться среди граждан и остаются доступны как государствам, не присоединившимся к договору, так и негосударственным акторам, в частности, международными организациями и транснациональными корпорациями. Таким образом, такой запрет только порождает формально различие между теми, кто его соблюдает и теми, кто получает те же возможности только в обход правовой нормы.

Одновременно доступные инструменты могут использоваться для переоборудования беспилотников, подготовки вредоносного программного обеспечения, дезинформации и атак на критическую инфраструктуру[29].

Негосударственные вооруженные формирования, террористические группы, преступные сети и частные военные структуры могут приобретать необходимые компоненты на гражданском рынке. Им не требуется воспроизводить полный цикл государственной оборонной разработки, если отдельные функции обеспечиваются коммерческими датчиками, навигационными модулями и доступными моделями. UNIDIR отмечает, что распространение ИИ среди негосударственных акторов меняет угрозовую среду и повышает значение контроля всего жизненного цикла военных систем, включая вывод из эксплуатации и предотвращение незаконного перенаправления.[30]

3.6. Дегуманизация и обезличивание применения силы

Наиболее остро этот вопрос возникает при передаче системе функций выбора и поражения людей. МККК считает этически неприемлемой ситуацию, в которой датчики, программное обеспечение и машинные процессы фактически подменяют человеческое решение, определяющее жизнь и смерть.[31]Данный аргумент не заменяет анализа международного гуманитарного права, однако дополняет его требованиями гуманности и общественного сознания. Он также объясняет, почему формального присутствия оператора недостаточно, если человек не располагает реальной возможностью понять и оценить конкретное применение силы.

---

29. Afina Y. The Global Kaleidoscope of Military AI Governance. Geneva: UNIDIR, 2024. 39 p. URL: https://unidir.org/wp-content/uploads/2024/09/UNIDIR_The_Global_Kaleidoscope_of_Military_AI_Governance.pdf (дата обращения: 05.09.2026). С. 14–15.
30. Afina Y. The Global Kaleidoscope of Military AI Governance. Geneva: UNIDIR, 2024. 39 p. URL: https://unidir.org/wp-content/uploads/2024/09/UNIDIR_The_Global_Kaleidoscope_of_Military_AI_Governance.pdf (дата обращения: 05.09.2026). С. 14–15.
31. Международный Комитет Красного Креста. Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений.

3.7. САС как пример совмещения основных рисков военного ИИ

Смертоносные автономные системы вооружений являются наиболее чувствительным примером применения ИИ в военной сфере, поскольку в них несколько рассмотренных выше рисков проявляются одновременно. При применении такой системы ошибка датчика или алгоритма распознавания может напрямую повлиять на выбор цели; высокая скорость реакции сокращает время для человеческой проверки; ограниченное участие оператора затрудняет контроль за применением силы; а после инцидента становится сложнее установить, на каком этапе возникла ошибка и кто несёт за неё ответственность. Поэтому дискуссия о САС играет важнейшую роль в международных дебатах о военном ИИ, так как показывает, что проблема заключается не только в технической надежности алгоритмов, но и в сохранении человеческого контроля, ответственности и соблюдении норм международного гуманитарного права.[32]

Даже когда человек заранее задает параметры операции, ключевым остается вопрос о качестве сохраняемого контроля. Географическое ограничение, продолжительность работы, допустимые категории целей, возможность наблюдения и своевременного отключения определяют, способен ли оператор оценивать развитие конкретного нападения. Поэтому международная дискуссия постепенно смещается от абстрактного вопроса о наличии человека к анализу того, обладает ли он достаточной информацией, временем, полномочиями и техническими средствами для содержательного вмешательства.[33]

Выявленные угрозы требуют дальнейшей правовой и дипломатической оценки, поскольку центральным вопросом становится не само наличие искусственного интеллекта в военной сфере, а допустимые условия и пределы его применения. В последующих разделах необходимо определить, каким образом обеспечить соблюдение международного гуманитарного права, сохранить значимый человеческий контроль, закрепить ответственность государств и конкретных должностных лиц, а также выработать меры, снижающие риск ошибочного расчета и неконтролируемой эскалации. Такая постановка вопроса позволяет связать технологические риски военного ИИ с обсуждением международных норм, позиций государств и возможных форм регулирования.[34]

---

32. UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 21–23; International Committee of the Red Cross. Frequently Asked Questions: Artificial Intelligence in the Military Domain; Международный Комитет Красного Креста. Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений

33. Генеральная Ассамблея ООН. Смертоносные автономные системы вооружений: резолюция A/RES/78/241 от 22 декабря 2023 года. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/78/241 (дата обращения: 05.09.2026); Международный Комитет Красного Креста. Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений.

34. Генеральная Ассамблея ООН. Искусственный интеллект в военной области и его последствия для международного мира и безопасности: резолюция A/RES/79/239 от 24 декабря 2024 года. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/79/239 (дата обращения: 05.09.2026); Генеральный секретарь ООН. Искусственный интеллект в военной области и его последствия для международного мира и безопасности: доклад A/80/78 от 5 июня 2025 года. URL: https://docs.un.org/en/A/80/78 (дата обращения: 05.09.2026); UNIDIR Security and Technology Programme. Artificial Intelligence in the Military Domain and Its Implications for International Peace and Security. С. 21–25; United States Department of State. Political Declaration on Responsible Military Use of Artificial Intelligence and Autonomy.

ГЛАВА 4. МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО И ПРИНЦИП ЗНАЧИМОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

Анализ приведенных выше тезисов показывает, что военный ИИ не существует вне рамок правового регулирования. На разработку, развертывание и применение военного ИИ распространяются релевантные нормы Устава ООН, международного гуманитарного права и, в соответствующих обстоятельствах, международного права прав человека.[35] Применительно к автономным системам это означает обязательность соблюдения классических принципов права вооруженных конфликтов: различения между комбатантами и гражданскими лицами, соразмерности применения силы, военной необходимости и запрета средств и методов ведения войны, причиняющих излишние повреждения или ненужные страдания.[36]

Принцип различения закреплен как основополагающая норма ведения военных действий, при которой стороны конфликта обязаны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими и военными объектами, направляя свои действия только против последних.[37] Из этого принципа производна и норма о соразмерности, запрещающая нападения, при которых ожидаемые случайные потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам будут чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается получить[38] . Применительно к автономным системам оба принципа предъявляют к алгоритмам распознавания и оценки цели требования, которые современные технологии способны выполнить лишь частично. В таких условиях оценка «чрезмерности» ущерба плохо поддается оценке, например, посредством математических вычислений.[39]

---

35. Resolution adopted by the General Assembly on 24 December 2024 : A/RES/79/239. Artificial intelligence in the military domain and its implications for international peace and security [Электронный ресурс] // United Nations Digital Library. – URL: https://docs.un.org/en/A/RES/79/239 (дата обращения: 06.09.2026).
36. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы современного международно-правового регулирования и перспективы их решения [Электронный ресурс] // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331579084 (дата обращения: 06.09.2026).
37. Мельцер, Н. Международное гуманитарное право. Общий курс [Электронный ресурс] / Н. Мельцер. – МККК, 2017. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/document/file_list/4231_005_ihl_textbook_by_melzer_web.pdf (дата обращения: 06.09.2026).
38. Robinson, I. Соразмерность и меры предосторожности при нападении: косвенные последствия применения в населенных районах оружия взрывного действия [Электронный ресурс] / I. Robinson, E. Nohle // Международный журнал Красного Креста. – 2019. – Vol. 101, № 911. – URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-10/IRRC%20901-9%20Robinson%20and%20Nohle.pdf (дата обращения: 06.09.2026).
39. Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы современного международно-правового регулирования и перспективы их решения [Электронный ресурс] // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/331579084 (дата обращения: 06.09.2026).

Отдельного внимания заслуживает обязанность сторон конфликта постоянно заботиться о том, чтобы щадить гражданское население, гражданских лиц и гражданские объекты, а также принимать все практически возможные меры предосторожности при выборе средств и методов нападения с целью избежать случайных потерь среди гражданского населения и ущерба гражданским объектам либо, во всяком случае, свести их к минимуму.[40] Как отмечалось экспертами МККК на круглом столе в Москве, при применении автономных систем эта норма требует оценки того, способна ли машина в конкретных, часто быстро меняющихся условиях боя, корректно оценить соразмерность ожидаемого военного преимущества и последующего ущерба, а также отличить комбатанта от иных лиц, не подпадающих под данную категорию.[41]

Особую роль в правовом анализе играет обязанность государств-участников при изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение нового оружия, средства или метода ведения войны определять, подпадает ли его применение при некоторых или при всех обстоятельствах под запрет международного права.[42] Данное требование распространяется на военный ИИ в полной мере и рассматривается специалистами как минимальный, но необходимый юридический критерий, действующий еще до этапа развертывания самой системы.[43]

Дополнительным источником регулирования выступает оговорка Мартенса, закрепленная в пункте 2 статьи 1 того же Дополнительного протокола I. Согласно этой оговорке, в случаях, не предусмотренных Протоколом или другими международными соглашениями, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания.[44] Применительно к военному ИИ эта оговорка особенно важна, поскольку скорость технологического развития систематически опережает скорость кодификации специальных договорных норм.

---

40. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), от 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] // МККК. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/AP_I_Rus.pdf (дата обращения: 06.09.2026).
41. Круглый стол «Автономные системы вооружений и военное применение искусственного интеллекта» [Электронный ресурс] : выступление М. Сассоли, Москва, 9 декабря 2021 г. // МККК. – URL: https://www.icrc.org/ru/document/kruglyy-stol-avtonomnye-sistemy-vooruzheniy-i-voennoe-primenenie-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 06.09.2026).
42. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), от 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] // МККК. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/AP_I_Rus.pdf (дата обращения: 06.09.2026); Kakko, T. Meaningful Human Control as an Exceptional Concept [Electronic resource] / T. Kakko. – 2022. – URL: https://nonproliferation.eu/wp-content/uploads/2022/01/KakkoMeaningfulHumanControl2022-1.pdf (дата обращения: 06.09.2026).
43. How Meaningful Is «Meaningful Human Control» in LAWS Regulation? [Electronic resource] // Lieber Institute at West Point. – 2025. – 26 March. – URL: https://lieber.westpoint.edu/how-meaningful-is-meaningful-human-control-laws-regulation/ (дата обращения: 06.09.2026).
44. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), от 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] // МККК. – URL: https://www.icrc.org/sites/default/files/2024-10/AP_I_Rus.pdf (дата обращения: 06.09.2026); норма восходит к преамбуле: Convention (IV) Respecting the Laws and Customs of War on Land and Its Annex. – The Hague, 1907. – 18 October.

Концепция значимого человеческого контроля

Ключевым практическим инструментом «перевода» принципов МГП на язык технических и оперативных требований стала концепция значимого человеческого контроля, получившая раннюю концептуализацию в работах британской неправительственной организации Article 36 и ее директора Ричарда Мойеса. Первоначальная формулировка включала три элемента:

1) наличие у оператора и лиц, планирующих нападение, достаточной контекстной информации о цели и районе нападения;

2) необходимость позитивного действия человека для инициирования удара;

3) сохранение подотчетности конкретных должностных лиц за решения, принятые на этапах планирования и исполнения.[45]

Впоследствии данная концепция получила операциональное развитие через выделение трех моделей взаимодействия человека и автономной системы:

- «человек в контуре» (human-in-the-loop), при которой ни одно действие не совершается без прямого одобрения оператора;
- «человек над контуром» (human-on-the-loop), при которой оператор осуществляет надзор и может прервать действие системы, но не одобряет каждое отдельное решение;
- «человек вне контура» (human-out-of-the-loop), при которой система действует полностью самостоятельно после первоначальной постановки задачи, без последующей возможности вмешательства человека.[46]

Именно третья модель представляется наиболее проблемной с точки зрения международного права. При полном исключении человека из процесса принятия решения утрачивается возможность своевременной коррекции ошибки, а вместе с ней ослабляется основа для последующей юридической и моральной ответственности. Не случайно системы, отбирающие и поражающие цели без человеческого контроля и суждения, были прямо названы Генеральным секретарем ООН «политически неприемлемыми, морально одиозными» и подлежащими запрету по международному праву.[47]

---

45. Docherty, B. Killer Robots and the Concept of Meaningful Human Control [Electronic resource] / B. Docherty // Human Rights Watch. – 2016. – 11 April. – URL: https://www.hrw.org/news/2016/04/11/killer-robots-and-concept-meaningful-human-control (дата обращения: 06.09.2026); Magnifying Human Confusion: Meaningful Human Control and the Ongoing Debate on Autonomous Weapons [Electronic resource] // University of Pennsylvania CERL. – 2024. – 9 May. – URL: https://www.penncerl.org/the-rule-of-law-post/magnifying-human-confusion-meaningful-human-control-and-the-ongoing-debate-on-autonomous-weapons/ (дата обращения: 06.09.2026).

46. Docherty, B. Losing Humanity: The Case Against Killer Robots / B. Docherty. – Human Rights Watch, 2012 (классификация human-in/on/out-of-the-loop); современное техническое изложение см.: Safety, Trust, and Ethics Considerations for Human-AI Teaming in Aerospace Control [Electronic resource] // arXiv: 2311.08943. – URL: https://arxiv.org/pdf/2311.08943 (дата обращения: 06.09.2026).

47. «Politically Unacceptable, Morally Repugnant»: UN Chief Calls for Global Ban on ‘Killer Robots’ [Electronic resource] // UN News. – 2025. – 30 May. – URL: https://news.un.org/en/story/2025/05/1163256 (дата обращения: 06.09.2026); подтверждено в: UN Chief, Red Cross Renew Call for Rules on Lethal Autonomous Weapons [Electronic resource] // UN News. – 2026. – 25 August. – URL: https://news.un.org/en/story/2026/08/1168196 (дата обращения: 06.09.2026) (выступление М. Режембаль, руководителя Отделения ООН в Женеве по вопросам разоружения).

В совместном обращении Генерального секретаря и президента МККК от августа 2026 г. предлагается сфокусировать будущий запрет на двух категориях систем. Во-первых, речь идет о «непредсказуемых» автономных системах, последствия применения которых оператор не в состоянии спрогнозировать ни на этапе проектирования, ни в момент боевого применения. Во-вторых, имеются в виду системы, преднамеренно предназначенные для поражения непосредственно человека, поскольку именно они в наибольшей степени сводят человеческую жизнь к результату работы датчика и алгоритма.[48]

Вместе с тем в академической литературе справедливо указывается на сохраняющуюся неопределенность самого понятия значимого человеческого контроля. Критики отмечают, что степень содержательности такого контроля остается предметом спора и до сих пор не получила ни общепринятого юридического определения, ни операционализированных технических критериев проверки. Это оставляет государствам пространство для расходящихся трактовок на национальном уровне.[49]

ГЛАВА 5. ПОЗИЦИИ ОСНОВНЫХ ГРУПП ГОСУДАРСТВ

Условно можно выделить четыре группы государств, исходя из их позиции в отношении военного ИИ.

В первую входят соавторы резолюций по САС (Австрия, Ирландия, Коста-Рика, Мексика, Новая Зеландия), а также руководство ООН и МККК. Они настаивают на скорейшем заключении протокола к КНО, запрещающего системы без значимого человеческого контроля.[50]

Вторая группа во главе с США и партнерами по процессу REAIM выступает за поэтапное мягкое регулирование, то есть за политические декларации и добровольные принципы без юридически связывающих ограничений на данном этапе.[51]

Третья группа представлена, в частности, Китаем и Российской Федерацией. В официальных выступлениях российских представителей подчёркивается применимость действующего международного гуманитарного права к САС, необходимость продолжения работы в рамках Группы правительственных экспертов КНО и отсутствие оснований для введения моратория или разработки отдельного юридически обязывающего инструмента на нынешнем этапе. Такая позиция была изложена, в частности, представителями Российской Федерации А. И. Белоусовым и К. В. Воронцовым.[52]

Наконец, страны Глобального Юга сосредоточены на проблеме цифрового разрыва, недискриминационном доступе к мирным ИИ-технологиям и недопущении технологической монополии развитых государств.[53]

---

48. UN Chief, Red Cross Renew Call for Rules on Lethal Autonomous Weapons [Electronic resource] // UN News. – 2026. – 25 August. – URL: https://news.un.org/en/story/2026/08/1168196 (дата обращения: 06.09.2026)
49. How Meaningful Is «Meaningful Human Control» in LAWS Regulation? [Electronic resource] // Lieber Institute at West Point. – 2025. – 26 March. – URL: https://lieber.westpoint.edu/how-meaningful-is-meaningful-human-control-laws-regulation/ (дата обращения: 06.09.2026).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ показывает, что военный искусственный интеллект перестал быть узкой технической темой и превратился в самостоятельный фактор стратегической стабильности, требующий комплексного международно-правового осмысления. Рассмотренные направления применения — от систем поддержки принятия решений и разведки до смертоносных автономных систем — демонстрируют, что риски возникают не только в момент поражения цели, но и на всех предшествующих этапах: при обработке данных, идентификации объектов, планировании операций и распределении ресурсов. Сокращение времени на принятие решений, ошибки алгоритмов, размывание ответственности, давление технологической конкуренции, двойное назначение технологий и угроза дегуманизации применения силы образуют взаимосвязанный комплекс вызовов, которые не могут быть устранены изолированными мерами. Особое место среди них занимают смертоносные автономные системы, поскольку в них одновременно проявляются практически все ключевые риски военного ИИ.

Вместе с тем международное сообщество пока не выработало единого подхода к регулированию: сохраняются разногласия между сторонниками юридически обязывающего инструмента, приверженцами поэтапного мягкого регулирования и государствами, настаивающими на достаточности действующего международного гуманитарного права. Концепция значимого человеческого контроля, призванная стать практическим мостом между правовыми принципами и техническими требованиями, остаётся недостаточно операционализированной и допускает расходящиеся трактовки.

Основной задачей Первого комитета Генеральной Ассамблеи ООН в данной сфере является содействие согласованию максимально широкого и приемлемого для государств подхода к ответственному военному применению искусственного интеллекта, включая общие правила, принципы человеческого контроля, ответственности, транспарентности и предотвращения неконтролируемой эскалации.

В рамках такого подхода особого внимания требуют конкретные формы применения военного ИИ, способные создавать угрозы международному миру и безопасности, соблюдению международного гуманитарного права и защите гражданского населения.

В результате возникает необходимость определить, готово ли международное сообщество перейти от накопления политического консенсуса к конкретным юридически обязывающим обязательствам, прежде чем разрыв между темпами технологического развития и темпами нормотворчества станет необратимым.

ГЛОССАРИЙ

Военный ИИ – программные или программно-аппаратные системы, использующие методы ИИ для анализа данных, распознавания объектов, формирования прогнозов и рекомендаций либо выполнения отдельных военных задач. Военный ИИ включает не только автономные вооружения, но и разведку, системы поддержки решений, кибероперации, логистику, наблюдение и другие направления.

Автоматизация – выполнение системой действий по заранее установленным правилам. Автоматизированная система не обязательно использует методы искусственного интеллекта.

Автономность – способность системы после активации выполнять определенные функции без постоянного вмешательства человека. Автономность и искусственный интеллект не являются синонимами: автономная система может не использовать машинное обучение, а ИИ-система может только давать рекомендации человеку.

Машинное обучение – совокупность методов ИИ, при которых модель выявляет закономерности в данных и использует их для классификации, прогнозирования или формирования рекомендаций при обработке новых данных.

Смертоносные автономные системы (САС) – системы вооружений, которые после активации способны без дальнейшего вмешательства человека выбирать цели и применять против них летальную силу.

Система поддержки принятия решений – система, которая анализирует данные и формирует оценки, прогнозы или варианты действий для командования или оператора, при этом формальное окончательное решение сохраняется за человеком. Такие системы могут влиять на восприятие обстановки и выбор варианта действий даже без самостоятельного применения силы.

Значимый человеческий контроль – сохранение у человека достаточной информации, времени и реальной возможности оценить последствия применения системы, принять осознанное решение и при необходимости вмешаться или прекратить применение силы. Именно фактическая возможность контроля, а не простое присутствие человека в цепочке управления, имеет ключевое значение.

---

50. 156 States Support UNGA Resolution on Autonomous Weapons [Electronic resource] // Stop Killer Robots. – 2025. – 6 November. – URL: https://www.stopkillerrobots.org/news/156-states-support-unga-resolution/ (дата обращения: 06.09.2026).

51. Explanation of Position of the United States of America on Resolution 78/241 [Electronic resource] // UNODA Documents Library. – 2024. – URL: https://docs-library.unoda.org/General_Assembly_First_Committee_-Seventy-Ninth_session_(2024)/78-241-US-EN.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

52. Белоусов, А. И. Выступление на заседании Первого комитета 78-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / А. И. Белоусов // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. – URL: https://russiaun.ru/ru/news/811123 (дата обращения: 06.09.2026); Воронцов, К. В. Выступление на 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / К. В. Воронцов // Постоянное представительство Российской Федерации при ООН. – URL: https://russiaun.ru/ru/news/204112025 (дата обращения: 06.09.2026).

53. От ИИ до «роботов-убийц»: Генсек ООН призвал срочно выработать глобальные правила регулирования искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // UN News. – 2026. – 6 июля. – URL: https://news.un.org/ru/story/2026/07/1468239 (дата обращения: 06.09.2026).

ГЛОССАРИЙ

Объяснимость – возможность понять, почему ИИ-система сформировала определенную классификацию, прогноз или рекомендацию.

Прослеживаемость – возможность после применения системы восстановить поступившие данные, действия системы и последовательность решений, что необходимо для выявления ошибок и расследования инцидентов.

Двойное назначение – свойство технологии при которой она может использоваться как в гражданских, так и в военных целях.

Принцип различения – требование различать военные цели и гражданские объекты, а также комбатантов и гражданских лиц, направляя нападение только против законных военных целей.

Принцип соразмерности – запрет нападения, если ожидаемый сопутствующий ущерб гражданским лицам или гражданским объектам будет чрезмерным по отношению к ожидаемому конкретному и непосредственному военному преимуществу.